

УДК 94(497.1)“1962/1983”

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СЛУЖЕБНЫХ КАРЬЕР
В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НАЧАЛО 1960-Х – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)**

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, г. Севастополь
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Предпринята попытка применить к Югославии концепцию Б.Андерсона о влиянии служебных карьер на развитие национальных идентичностей. В 1960-е – 1980-е гг. замыкание политических карьер в республиканских границах усилилось. Предпринятые в начале 1960-х гг. меры по развитию горизонтальных контактов республик не дали ожидаемых результатов. Республики усилили дополнительные возможности давления на центр. В 1964-1969 гг. произошла дальнейшая децентрализация правящей партии, спецслужб и частично военного дела. В результате межреспубликанское движение кадров сохранилось только в армии, а работа в центральных союзных органах перестала быть вершиной служебной карьеры, этот статус перешел к республиканским должностям. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Югославии закономерно усилились националистические движения. После их подавления в кадровую политику были внесены изменения: занять высшие должности в республиках можно было только продемонстрировав лояльность Югославии во время предыдущей работы в центральных органах. Для успешной работы этого механизма поддержания югославской идентичности требовались независимые арбитры, но кадровая система препятствовала их воспроизводству, и к началу 1980-х гг. они вымерли. После этого кризис югославской идентичности в рядах партийно-государственной бюрократии стал неизбежен.

Ключевые слова: Югославия, кадровая политика, партийно-государственная бюрократия, идентичности, республиканизм.

Данное исследование основано на идеях Б.Андерсона, что пространственная конфигурация служебных карьер у региональных бюрократий влияет на формирование их идентичностей [1, с. 114–122]. В статье предпринята попытка проследить, как особенности карьерных маршрутов югославской партийно-государственной бюрократии влияли на баланс между югославской и национальными идентичностями. Проблема рассмотрена на материале 1960-х – начала 1980-х гг. К этому времени политика децентрализации, начатая с 1950 г., существенно сузила возможности для формирования югославской идентичности в среде партийно-государственной бюрократии. В Югославии действовало правило, по которому партийные и государственные работники могли делать управленческую карьеру только в пределах той республики, где родились. Их перемещения из республики в республику по общему правилу были невозможны. Исключения составляли военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел (включая спецслужбы), пограничники, таможенники, работники некоторых служб транспорта и связи. Из республиканских рамок можно было выйти, перейдя на

работу в центральные органы федерации, но в результате децентрализации количество должностей на этом уровне многократно уменьшилось.

К началу 1960-х гг. высшее руководство Югославии осознало, что замыкание республиканских кадров в региональных границах чревато негативными последствиями. Поэтому в 1962 г. был проведен в жизнь ряд мер, призванных оживить циркуляцию кадров между республиками и союзным центром и повысить их общегославскую лояльность. Э. Кардель в 1961 г. предложил ввести ротацию кадров. По его словам, когда кто-то долго сидит в одной республике, он не может видеть вещи под другим углом, а центральное руководство теряет способность понять интересы республик [18, s. 198–199]. Это была здравая идея, но она не предполагала горизонтальное движение кадров между республиками, допуская только вертикальную циркуляцию между республиками и союзным центром. Так или иначе в государственном аппарате массовая ротация началась с весны 1963 г., а в партии с декабря 1964 г. Тито выступил в марте 1962 г. с критикой союзных хозяйственных чиновников, в первую очередь в плановом секторе, и предложил обновить центральный аппарат свежими кадрами из республик [18, s. 259]. Тут же начались активные кадровые перестановки в правительстве, а летом 1962 г. Союзная Скупщина внесла поправки в закон о публичных служащих, облегчающий обновление союзного госаппарата.

Привлечение новых кадров в партийный и государственный аппарат в 1962–1963 гг. вновь использовалось как лекарство от местничества. Например, Б.Крайгер, зарекомендовавший себя как борец за местные интересы, был снят с должности главы словенского правительства и переведен в Белград на должность заместителя председателя Союзного исполнительного веча. То же самое происходило внутри Сербии. Более десяти воеводинских политиков были переведены на разные новые должности в союзном и центральном республиканском аппарате, чтобы излечить их от чрезмерного увлечения автономизмом. Г.Тиквицкий и Д.Богданов стали заместителями председателя Союзной хозяйственной палаты, П.Релич перешел в конституционный суд и т. д., а С. Дороньский вошел в правительство Сербии [2, с. 132, 152].

В 1967 г. эффективность этого лекарства признали даже аналитики ЦРУ: «Многие новые люди, даже те, которые в свое время очень выделялись в отстаивании большей региональной автономии, обнаружили значительный интерес к статусу кво и стали защитниками федеративного концепта, когда сейчас несут большую ответственность в высших эшелонах партийных и государственных органов. Многие и дальше будут использовать эмоциональную привлекательность партикуляризма в отношениях со сторонниками на публике, но большинство, по всей вероятности, вытеснит этот вопрос в своем подходе к решению национальных проблем» [14, s. 239]. Впрочем, как будет показано ниже, данный оптимизм был чрезмерен.

В 1960-е гг. наконец были реализованы безуспешные планы 1950-х гг. по взаимным поездкам республиканских политических лидеров. Союзные руководители заняли позицию «договаривайтесь сами друг с другом», и

республиканские лидеры в случае необходимости решить те или иные вопросы обречены были идти на двусторонние горизонтальные контакты. Взаимные визиты региональных политиков перестали быть экзотикой.

Казалось бы, эти меры должны были укрепить единство страны, но они запоздали. Как мы уже упоминали, республики превратились в центр притяжения для своих кадров еще в 1950-е гг. При таких условиях, когда к середине 1960-х гг. союзный аппарат был пополнен новыми кадрами с мест, он был в сущности наводнен агентами республиканских центров. А когда союзные руководители в эти же годы стимулировали республики к выстраиванию двусторонних контактов, они использовали эти горизонтальные связи не для укрепления Югославии, а чтобы выработать совместные планы по ослаблению общегославского центра. Особенно активные горизонтальные контакты по объединению сторонников дальнейшей децентрализации Югославии наладил хорватский лидер В.Бакарнич. 16 ноября 1964 г. он побывал в Македонии и сумел склонить ее руководство на сторону реформаторов, аналогичных успехов он добился и в Боснии [17, s. 221, 226]. В результате в 1960-е гг. усиливается давление из республик, чтобы реформировать партию и децентрализовать крупнейшие государственные учреждения, где движение кадров сохраняло внереспубликанский характер и свободно происходило по всей территории Югославии. Это в первую очередь армия и спецслужбы.

Пока шла кампания по оздоровлению руководящих кадров, в апреле 1963 г. была принята новая конституция. Она предполагала перенос части хозяйственных функций федерации на республики и на независимые банки, тем самым сокращая численность союзного аппарата управления и, как следствие, уменьшая потенциальную возможность выхода служебной карьеры с республиканского на союзный уровень. После принятия конституции сторонники дальнейшей децентрализации активизировались и направили свой натиск на центральные органы СКЮ. Уже летом 1964 г. под их влиянием был подготовлен проект нового партийного устава, который усиливал кадровую роль республиканских ЦК. Во-первых, менялась очередность проведения съездов: как правило съезд СКЮ должен был проходить после республиканских. Во-вторых, в способ формирования ЦК СКЮ проникал принцип делегирования: политические секретари республиканских ЦК вводились теперь в ЦК СКЮ в силу занимаемой должности, а ЦК СКЮ должен был формироваться по республиканским квотам, для которых республики сами предлагают свои кандидатуры [7, l. 40, 49, 66–67]. Идея республиканских квот не прошла, а остальные нормы нашли отражение в уставе СКЮ, утвержденном на VIII съезде в декабре 1964 г. и были реализованы на практике в последующие годы.

Деятельность югославских спецслужб до сих пор изучена плохо, потому о борьбе за их децентрализацию мы знаем лишь в самых общих чертах. С 1946 г. спецслужбы входили в состав союзного министерства, а позже секретариата внутренних дел в качестве управления государственной безопасности. С 1963 г. управление было переименовано в службу государственной безопасности, но на внутреннем устройстве органов это не сказалось – вся система секретариата внутренних дел в начале 1960-х гг. сохраняла кадровое единство в масштабах всей

страны. Однако к тому времени в республиках уже предпринимались попытки ограничить передачу информации в центральные союзные органы секретариата [18, s. 184–185], т. е. взять под контроль работу кадров, но пока еще не их движение. Согласно утверждению В.Бакарича уже в первой половине 1960-х гг. хорватская политическая верхушка хотела добиться самостоятельности хорватской госбезопасности от союзной, лишив ее союзного влияния, а в 1965 г. занялась этим более серьезно [17, s. 241]. К лету 1966 г. аналогичные амбиции появились у партийного руководства Словении и отдельных сербских политиков типа П. Стамболича, известное недовольство работой спецслужб назрело в Боснии [12, s. 70, 98, 104, 108, 247, 621].

Тем временем в высшем руководстве Югославии разгорелся политический конфликт из-за различного отношения к рыночным реформам. Их главным противником оказался А.Ранкович, фактически второй человек в тогдашней партийно-государственной иерархии. Чтобы удар по Ранковичу оказался сокрушительным, была затеяна целая интрига. В результате его ввергли в политическое небытие не за противодействие реформам, а за попустительство произволу спецслужб в отношении высших руководителей страны. В июле 1966 г. на Брионском пленуме ЦК СКЮ он был снят со всех должностей и отправлен на пенсию. Вся эта история до сих пор вызывает много вопросов, но нам сейчас важно, что благодаря ей усилилась политика децентрализации: в 1966 г. она охватила спецслужбы и вновь распространилась на партию, а в 1968 г. затронула армию. Соответствующие требования были выдвинуты в процессе подготовки и проведения Брионского пленума [12, s. 89, 91, 108, 234, 350–351].

По реформированию спецслужб решение было принято 14 сентября 1966 г. и полностью реализовано в следующем году. В 1967 гг. от службы госбезопасности на федеральном уровне остались только отделения, ответственные за координацию работы в целом. Все прочие задачи были переданы республиканским подразделениям, теперь они отвечали за оперативную безопасность и разведку. Соответственно численность центрального аппарата многократно снизилась [13, s. 25].

Принципы реформы партии были сформулированы 19 сентября 1966 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ, среди них один касался децентрализации союзных партийных органов: вводились республиканские квоты для членов Исполкома и нового органа – Президиума ЦК СКЮ, а их кандидатуры вносились республиканскими ЦК [12, s. 511–516]. Этот принцип был применен при подготовке IX съезда СКЮ в 1969 г.: республики полностью самостоятельно предложили и избрали свои кандидатуры для ЦК СКЮ, а союзный съезд их только формально утвердил [9, s. 328, 330–331]. Соответствующее положение отразилось в ст. 44 нового устава СКЮ, принятого на съезде. В сравнении с проектом 1966 г. оно было дополнено принципом равноправного представительства республик и краев в ЦК СКЮ, переименованного в постоянную конференцию. Как венец политики децентрализации СКЮ был провозглашен объединением самостоятельных республиканских и краевых организаций, которые несут совместную

ответственность за его работу [19, с. 283, 297]. Так с 1969 г. ЦК СКЮ формировался исключительно путем делегирования, а политический вес республиканских руководств необычайно увеличился.

Черед армии наступил немного позже. Югославская народная армия всегда пользовалась особым покровительством Й. Броза-Тито, была его любимым детищем и находилась на особом положении. Это была самодостаточная замкнутая организация, которую все децентрализации обходили стороной. Армейские кадры были полностью автономны в своем обеспечении, ибо у армии были свои больницы, поликлиники, базы отдыха, сельхозпредприятия, гостиницы и т.п. [5, с. 287], т.е. они могли жить в своем внутреннем мире лишь эпизодически соприкасаясь с местным населением. Что особенно важно, армейские кадры постоянно перемещались по всей территории страны. Внутри ЮНА культивировалось чувство югославской общности. Армейский представитель О.Креачич на заседании идеологической комиссии ЦК СКЮ в мае 1956 г. подробно описал, какими методами там способствовали взаимному сближению народов Югославии: в армии сознательно направляли призывников на прохождение службы в другие республики, каждая часть комплектовалась представителями всех республик, точно так же офицеры были распределены по всем республикам, при наборе в «офицерские школы» пропорционально учитывалось процентное соотношение поступающих и населения республик. Все эти принципы Креачич отнес к работе по укреплению общегославского патриотизма [8, л. 86]. Конечно, в ЮНА не могли знать о будущих идеях Б. Андерсона, но для формирования югославского патриотизма действовали вполне в их духе.

Однако даже в ЮНА с 1950-х гг. движение кадров сталкивалось с постепенно нарастающими проблемами. Армейский плавильный котел югославизма работал исправно, но у отдельных народов сокращалось число желающих в него погружаться. Всё меньше словенцев и хорватов поступало в военные училища, традиционно игнорировали военную карьеру албанцы, поэтому среди офицеров непропорционально возрастал удельный вес сербов и черногорцев. Стремление югославских политиков привести состав офицеров в соответствие с национальным составом страны не давало результатов [4, с. 264; 6, с. 118, 120].

Причины этого явления, видимо, многообразны, например, для этнического сознания сербов и черногорцев характерна мощная военная традиция, а у словенцев она отсутствует, но было среди этих причин и межреспубликанское движение офицерских кадров. Нежелание покидать территорию своей республики заметно тормозило приток в армию словенской и отчасти хорватской молодежи. О.Креачич еще в мае 1956 г. констатировал: «Есть случаи, когда офицеры из Словении хотят проходить службу только в Словении, и тут и там слышится от словенцев, что если бы существовала национальная армия в Словении, намного больше словенцев записывалось бы в офицеры» [8, л. 86]. Партийное руководство Словении подыгрывало этим тенденциям еще с начала 1950-х гг., когда пришло к выводу, что офицеры словенцы должны сохранять связь со своей республикой, где бы они ни служили: «По всем важнейшим политическим акциям на местах нужно привлекать

к работе, в частности в родном регионе, также офицеров, которые служат вне Словении. С ними проводить конференции и оповещать их о явлениях в Словении и на месте» [20, s. 270]. В перспективе эта мера могла существенно ограничить циркуляцию армейских кадров, если они не могут оборвать пуповину, соединяющую их с родной республикой.

Наконец, после отставки А. Ранковича поборники децентрализации взялись за ЮНА. В авангарде реформаторов шли хорватские и словенские руководители. В октябре 1966 г. первый секретарь ЦК СК Хорватии В. Бакарич публично пожаловался, что из Хорватии почти никто не поступает в военные академии [17, s. 245]. Словенские инициативы по этому вопросу тоже продвигал республиканский ЦК. Согласно данным комиссии по межнациональным и межреспубликанским отношениям ЦК СКС, собранным в 1968 г., в 1961–1964 гг. резко упало число словенцев, поступающих в военные училища, следствием чего стало падение доли словенцев среди офицеров ЮНА. По мнению комиссии, словенцы не шли в офицеры, так как не хотели служить в других регионах из-за языка обучения детей и трудностей с трудоустройством жен. Чтобы повысить долю словенцев в офицерском корпусе в комиссии предложили увеличить долю военных, которые бы несли службу на территории республики, и учитывать принцип экстерриториальности только при получении специальных технических знаний [15, s. 164].

Вскоре на внутренние центробежные процессы наложился международный фактор – подавление «Пражской весны». В ответ на советское вторжение в Чехословакию с сентября 1968 г. в Югославии началась реформа армии, одна из составляющих которой – создание территориальной обороны. Она получила собственную командную систему, организованную по республикам и подчиненную республиканским властям, что привело к частичному территориальному прикреплению армейских кадров. Терроборона состояла из тактических подразделений, относимых к воинским формированиям второго эшелона, однако служба в ней приравнивалась к службе в ЮНА [3, с. 273–274, 308–309]. Уступая словенскому давлению в армейском командовании с 1969 по 1970 гг. обсуждали вопрос расширенного использования национальных языков, были выдвинуты проекты повышения доли офицеров, которые бы служили на родной территории. Однако с 1971 г. обсуждение подобных идей прекратилось [15, s. 170–172]. Вероятно, на это повлияло массовое националистическое движение в Хорватии, когда Тито осознал, что армия – последняя опора единства Югославии. Так движение кадров ЮНА в республиканских рамках не замкнулось и осталось экстерриториальным, и армия стала главным исключением из общего правила. Когда в начале 1990-х распад Югославии принял необратимый характер, ЮНА осталась единственной общегославской силой. Именно поэтому в 1991 г. она выступила как самостоятельный политический фактор, пытаясь насильственно предотвратить крушение федеративного государства.

Во второй половине 1960-х гг. в Югославии всё более заметно начали проступать побочные последствия децентрализации и реформ в кадровой политике.

Республики стали центрами притяжения даже для союзных кадров. Изменились «референтные группы», на которые теперь ориентировались члены ЦК. «Члены Центрального комитета все больше вели себя как делегаты избравших их региональных партийных организаций, а не как представители центрального партийного учреждения», – отмечает историк Л. Коэн [11, p. 154] и добавляет в другой работе: «Новые политические директивы передали региональным партийным органам ответственность за отбор своих собственных должностных лиц. После 1966 г. кадровая комиссия в ЦК в Белграде прекратила свою деятельность, хотя подобные комиссии остались в некоторых республиках и краях» [10, p. 108]. Д. Биланджич указывает, что в этой системе отношений функционеры федерации развернулись к своим республикам, «ибо публичная руководящая должность чаще всего является единственным источником личного существования функционера» [9, s. 329]. Официальные югославские историки хорошо раскрыли последствия такого поворота: поскольку во второй половине 1960-х гг. право размещения высших и средних кадров перешло от ЦК СКЮ к партийным организациям республик, федеративные учреждения попали в зависимость от них [16, s. 281]. Эти процессы вызвали сильное сопротивление федеральной администрации, поскольку там всё заметнее снижалось качество управления: «Выдающиеся личности неохотно шли на работу в союзную администрацию. Они разворачивались к центрам новой политической силы, а она явственно росла в республиках. Стало даже трудно сформировать союзное правительство, в которое республики слали, как правило, личностей второстепенного ранга» [16, s. 282].

С точки зрения пространственной характеристики, это всё означало, что вершиной служебной карьеры теперь являлась должность в республиканском центре, а работа в союзных органах это случайное отклонение от магистрального карьерного маршрута, всецело пролегающего в пределах одной республики. В рядах партийно-государственной бюрократии возникли благоприятные условия для окончательного вытеснения общегославской идентичности республиканскими. Надо ли удивляться после этого, что с конца 1960-х гг. в Югославии оживляются националистические настроения? Особый размах они приобрели в 1971 г. в Хорватии, где развивались при благожелательном отношении молодой части республиканского партийного руководства.

Предпринятые в 1971 г. конституционные реформы дополнительно ослабили роль союзного центра. Казалось бы, Югославии угрожал скорый распад, но высшие партийные руководители страны придумали как с помощью карьерных маршрутов укрепить югославскую идентичность партийно-государственной бюрократии и в то же время не поставить под сомнение роль республиканских центров как высших точек служебной карьеры. Найденное решение стало логическим продолжением традиционного метода, когда региональные кадры лечили от местничества, переводя на работу в центральные органы.

С 1972 г. воссозданные и укрепленные кадровые комиссии СКЮ предъявляли республиканским представителям, направляемым в органы федерации, требование, что все они должны вести себя как члены единой внеэтнической и

межрегиональной политической организации, а не как послы республик и провинциальных партийных аппаратов. Дальше решающую роль приобретала кадровая характеристика. Хотя некоторые выходцы из республик стремились задержаться в Белграде и дальше работать в союзных органах после истечения сроков их пребывания в должности, большинство предпочитало вернуться в свой собственный организационный сектор на региональном уровне. Лица, желающие работать республиканскими и краевыми функционерами, могли подняться к этим карьерным вершинам, только если на работе в Белграде зарекомендовали себя борцами за общегославские интересы и проблемы. Чтобы они не впадали в соблазн лоббизма, союзные органы применяли еще одно противоядие — распределяли кадры, прибывшие из республик, пропорционально, дабы земляки не концентрировались в каком-нибудь одном учреждении [10, р. 114, 117, 134]. Для придания устойчивости новой системе республиканские политики увлекающиеся местничеством или же склонные к национализму в начале 1970-х гг. были подвергнуты чисткам и устранены из политической жизни.

Подражая рассуждениям Б.Андерсона, можно сказать: когда все эти выходцы из разных республиканских номенклатурных кланов встречались вместе в союзных учреждениях, они задавались вопросом «Почему мы все здесь?» Так как они не представляли свою республику в силу занимаемой должности в республиканском аппарате, на это у них следовал один ответ «Потому что мы все югославы». В свою очередь, когда такой работник переходил в республику и подбирался там к вершинам карьерной лестницы, он мог задать вопросом «Почему я здесь?» и ответить на него «Потому что я доказал, что в первую очередь я югослав, а не серб или хорват». Теперь работа в федерации превратилась из случайного в необходимый элемент восходящего карьерного маршрута, и югославская идентичность партийно-государственной бюрократии временно укрепилась.

Этот изящный рецепт, рожденный в начале 1970-х гг., имел существенные ограничения. Во-первых, продолжительность работы в союзных органах составляла всего лишь четыре года, чего мало для выработки устойчивой идентичности чиновника. Во-вторых, общее число партийно-государственных работников, которых нужно было пропустить через союзные должности, существенно превышало имевшиеся у федерации возможности. Из-за децентрализации в союзном аппарате осталось слишком мало должностей. Например, в 1965–1981 гг. средняя численность партработников в расчете на одну республику или край была в 1,5–2 раза выше их численности на союзном уровне [10, р. 103]. В Югославии было шесть республик и два края. Получается, пропустить через работу в союзных партийных органах можно было в среднем не более 1/12 части аппарата каждого из этих субъектов.

Но было и третье, более серьезное ограничение. Для поддержания этой системы требовалось какое-нибудь политическое ядро, которое не связано с республиканскими кадрами и может независимо от их влияния определять, кто ведет себя в соответствии с югославскими интересами, а кто нет. Между тем, система ротации не оставляла шансов на развитие кадрового ядра, связанного

исключительно с союзным центром. Несмотря на отмеченные попытки отдельных людей задержаться в Белграде, значение союзных кадров в правительстве Югославии из года в год снижалось [10, р. 134]. Они постепенно уходили на пенсию, а новая смена почти не воспроизводилась. Аналогичным образом оказалось невозможным воспроизводство политиков общегославского масштаба, которые могли бы своим авторитетом поддерживать эту своеобразную систему. С этим в Югославии всё было плохо даже в благополучные времена: еще в 1956 г. председатель идеологической комиссии П. Стамболич констатировал, что в стране имеется только четыре человека, о которых можно сказать, что они общегославские политики – это Тито, Ранкович, Кардель и Моша Пьяде [8, л. 51]. М. Пьяде умер в 1957 г., А. Ранкович был вычеркнут из политической жизни в 1966 г., Э. Кардель умер в 1979 г., а Й. Броз-Тито – в 1980 г. Правда, эпоха горизонтальных республиканских контактов выдвинула еще одну общегославскую фигуру — В. Бакарича, которого в конце 1970-х гг. даже воспринимали как возможного преемника Тито, но и он скончался уже в январе 1983 г. Ни одного общегославского политика в стране не осталось, а принципы коллективного руководства в государстве и партии, закрепленные в конце 1960-х гг., сделали их появление невозможным. Состав Скупщины и президиума СФРЮ, ЦК и Президиума СКЮ формировались по делегатскому принципу, и их члены на практике были только политическими представителями своих республик. В 1985 г. историк Д.Биланджич писал: «После смерти Тито прошло почти пять лет. В политической жизни за это время не появилось ни одного сигнала рождения такого нового лидера Югославии. Конституция страны и устав партии это запрещают. Но не только это является причиной, что не было кандидата в «наследники»... Сейчас даже на отдаленном горизонте нет такого общегославского массового движения, которое могло бы породить мощную харизматическую личность». Тито «был первым, но, похоже, неповторимым лидером всех югославов» [9, с. 471]. Тем самым никаких арбитров в межреспубликанских конфликтах к началу 1980-х гг. не стало. Преемникам Тито хватило сил сохранить единство до 1989 г., а затем обостряющиеся социально-экономические противоречия его взорвали.

Таким образом, в начале 1960-х гг. высшее руководство Югославии предприняло попытку оживить движение кадров, чтобы уменьшить их республиканскую замкнутость. Она оказалась запоздалой. Республиканские бюрократии накопили к тому времени времени такой потенциал, что использовали усиление взаимных контактов для дальнейшей децентрализации. В 1960-е гг. децентрализация охватила правящую партию (с 1964 по 1969 г.), спецслужбы (в 1966–1967 гг.) и отчасти армию (1969 г.). Возможности выхода карьер за пределы республик еще больше сузились. В результате должности в республиканском аппарате стали восприниматься как вершина служебной карьеры, а баланс между югославской и национальной идентичностями резко сдвинулся в пользу последних. В начале 1970-х гг. этот баланс был несколько изменен за счет нововведений в кадровой политике. Республиканские должности остались венцом карьеры, но путь к ним отныне пролегал через работу в органах федерации и демонстрацию

югославской лояльности. Эта система функционировала, пока во главе федерации сохранялись политики, способные оценить лояльность к Югославии как независимые арбитры. Сложившаяся система служебных карьер не могла воспроизводить такие кадры и в начале 1980-х гг. они физически вымерли. Вскоре после этого начался политический кризис, приведший к распаду Югославии. Примечательно, что единственной силой, пытавшейся до самого конца противостоять распаду федерации, оказалась армия. Только там к тому времени сохранялось межреспубликанское движение кадров и поддерживалась на этой основе югославская идентичность. Проведенное исследование показывает полную применимость концепции Б. Андерсона к Югославии и позволяет лучше объяснить развитие националистических настроений в среде партийно-государственной бюрократии.

Список использованных источников и литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2016. – 416 с.
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – Moscow, 2016. – 416 p.
2. Бјелица С. Спорови око аутономије Војводине. – Књ. 1: 1961–1974. – Београд, 2015. – 342 с.
Bjelica S. Sporovi oko autonomije Vojvodine. – Knj. 1: 1961–1974. – Beograd, 2015. – 342 s.
3. Улуњан Ар. А. Балканскиј «шчит социализма». Оборонна политика Албаније, Болгарије, Румуније и Југославије (середина 50-х гг. – 1980 г.). – М., 2013. – 912 с.
Ulunyan Ar. A. Balkanskiy «shchit sotsializma». Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-h – 1980 g.). – Moscow, 2013. – 912 p.
4. Фрејдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – СПб, 2001. – 318 с.
Freydson V. I. Istorija Horvatii. Kratkiy ocherk s drevneyshih vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.). – Saint Petersburg, 2001. – 318 p.
5. Чкречић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. – Београд, 2009. – 457 с.
Čkrebić D. Pogled iskosa: ljudi, sudbine, komentari. – Beograd, 2009. – 457 s.
6. Abazović M. D. Kadrovski rat za BiH (1945–1991). – Sarajevo, 1999. – 458 s.
7. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 102: Stenografske beleške sa sednice IK CK SKJ od 6 i 7 jula 1964. godine u Beogradu. – 145 l.
8. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. – L.1–108.
9. Bilandžić D. Historija Socijalistike federativne republike Jugoslavije: glavni procesi: 1918–1985. – Zagreb, 1985. – 830 s.
10. Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia. – London, Boston, Sydney, 1983. – P. 98–135.
11. Cohen L. J. The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia. – Oakville, 1989. – 499 p.
12. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio je Jovan P. Popović. – Beograd, 1999. – 957 s.
13. Dimitrijević B. Intelligence and security services in Tito's Yugoslavia // Istorija 20. veka. – 2019. – № 2. – S. 9–28.
14. Dokumenta CIA o Jugoslaviji: 1948–1983 / priredio M. Pavlović. – Beograd, 2009. – 335 s.
15. Gabrič A. Slovenščina in Jugoslavanska ljudska armada // Prispevki za novejšo zgodovino. – 2014. – №2. – S. 155–177.

16. Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled. – Beograd, 1977. – 356 s.
17. Mujadžević D. Bakarić. Politička biografija. – Slavonski Brod – Zagreb, 2011. – 383 s.
18. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M. Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.
19. Ustav Saveza komunista Jugoslavije // IX kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Beograd, 1969. – S.279-307.
20. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. – 386 s.

Y. V. Shakhin. Spatial aspect of service careers in the Yugoslav Federation (early 1960s – early 1980s)

The article attempts to apply to Yugoslavia B. Anderson's concept of the influence of service careers on the development of national identities. In the 1960s – 1980s the closure of political careers within the republican borders intensified. Some measures taken to develop horizontal contacts between the republics in the early 1960s didn't give the expected results. The republics have increased additional possibilities of pressure on the center. There was a further decentralization of the ruling party, intelligence services and partially military affairs in 1964–1969. As a result, the inter-republican movement of personnel was preserved only in the army, and work in the federal bodies ceased to be the pinnacle of a service career, this status was transferred to republican positions. In the late 1960s – early 1970s nationalist movements naturally intensified in Yugoslavia. After their suppression, changes were made to the personnel policy: it was possible to occupy the highest positions in the republics only by demonstrating loyalty to Yugoslavia during previous work in the central bodies. Independent arbitrators were required for the successful operation of this mechanism for maintaining the Yugoslav identity, but the personnel system prevented their reproduction, and by the beginning of the 1980s they died out. After that, the crisis of Yugoslav identity in the ranks of the party-state bureaucracy became inevitable.

Keywords: Yugoslavia, personnel policy, party-state bureaucracy, identities, republicanism.